

Владислав Зубченко
ТАБОРОВ

русско-украинская повесть

Владислав Зубченко

**Таборов. русско-
украинская повесть**

«Издательские решения»

Зубченко В.

Таборов. русско-украинская повесть / В. Зубченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512954-3

Это повествование о нас — русских и украинцах, живущих под одним солнцем, размышляющих о насущном и вечном, смеющихся и плачущих и уходящих однажды в одно небо...

ISBN 978-5-00-512954-3

© Зубченко В.
© Издательские решения

Таборов

русско-украинская повесть

Владислав Зубченко

*Моим родителям, а также всем родным,
живущим в безмерно любимой
мною Украине посвящаю...*

© Владислав Зубченко, 2020

ISBN 978-5-0051-2954-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1979 год село Таборов Украина

Гроза трясла сеновал над домашним хлевом, но дождя ещё не было. Чёрное до слепоты ночное таборовское небо на мгновение вдруг становилось белым, на горизонте вычерчивались крыши хат, одинокие старые дубы и груши и ещё старая деревянная церковь. Летящая к церкви молния отражалась в её куполе и, отпрянув, словно испугавшись своего собственного облика, пряталась обратно в тучи, чтобы спустя несколько секунд попробовать прорваться ещё раз.

– Это Бог дьявола гонит, – послышался сверху мальчишеский голос. – Мне баба Нина наша говорила, что храм на горе построили, чтобы Господь всю чертовщину от села отгонял.

Возле узкого дверного проёма сеновала вот уже больше часа сидели трое двоюродных братьев, любясь всей этой апокалиптической картиной. Раз... два... три... ба-а-а х! Ночью в селе всё по-другому, не то что днём. Тут такое на раз-два придумывается! И мурашки по коже страх уже рассыпал, и жутко одному вниз по лестнице спуститься, чтобы до туалета добежать – схватит кто-то чёрный и утащит. Терпеть до утра, сил нет, и надо кому-то из братьев признаться, чтобы вместе идти. Кто первый сдастся?

– Да брешешь ты всё, Витя! – возразил голос постарше. – Нет никакого дьявола. Вот и дед Иван говорит: выдумки всё это поповские.

– Ей- богу, не брешу, Сергей! – обижено отозвался Витя. – Хочешь, перекрещусь? Я пионер, но перекрещусь!

– Хочешь, крестись, только всё – равно брешешь. Спать бы пора, три часа уже, – ёрзая, попытался как можно равнодушнее протянуть старший из братьев Сергей.

Весь мир вокруг пах душным влажным сеном, и вкуснее этого запаха ничего на свете сейчас не было. Где-то шуршали мыши, из укрытия разглядывая неожиданных у себя гостей, начинали трещать, но услышав голоса, снова умолкали сверчки. Дождь, наконец, закапал над селом, разбавляя скопившуюся духоту, с каждой секундой набирая силу.

– А Бог-то есть? – раздался голос третьего из братьев. – Если дьявола нет, то зачем Бог тогда нужен, а?

– Про Бога, Влад, дед Иван ничего не говорил, – задумался Витя. – Но не может же человек в дьявола не верить, а в Бога верить.

– Дед Иван ни в кого не верит, а баба Нина – во всех, – со знанием в голосе заключил Сергей. – Она верующая, понимаете? Но она сейчас по секрету как бы верит.

– Просто мой батька с вашими батьками вчера смеялись, говорили, что дед от бабы горилку за иконой всегда прячет вместо святой воды, – Влад отодвинулся вглубь сеновала. – Баба Нина туда полезла как-то, чтобы водой хату от бесов окропить и...

– Бесы горилки не боятся, – засмеялся Сергей.

– Вот, Бог всё видит, – упрекнул Витя. – Нельзя так.

– А что, в туалет никто не хочет? – не выдержал первым Сергей.

– Хочу! – с чувством облегчения разом выдохнули Влад и Витя...

– Договаривались спать, а сами потом опять страшную историю просили рассказать, – когда спустились, на всякий случай напомнил Влад, намекая на продолжение.

– Ага, а потом ещё кто-то во сне разговаривал со страху, – подмигнул идущий впереди с фонариком Серёга, озорно глядя на младших. – Это Витя у нас боится.

– Сам ты боишься, – обиженно возразил самый младший из троих Витя. – Докажи что я? Может сам Влад и говорил.

– Не-е. Ты, потому что на украинском говорил, – покачал головой старший. – Влад украинского не знает – он у нас кацап.

– Причём тут это? – насутился средний. – Хватит уже! Знаешь же, что я наполовину. Здесь я украинец, а приеду домой буду русским. Да и какая разница.

– Да что ты дуешься, братишка, – обернулся к Владу Серёга. – Шучу же!

Фонарик неожиданно погас, и рядом с братьями пробежал кто-то невидимый. Все трое замерли, как по команде. В ту же секунду молния осветила небо, и громыхнуло совсем рядом. Влад отступил на шаг, и из-под его ноги с грохотом покатилося что – то железное.

– А-а! Видел! Я его видел! – заорал вдруг Витя, показывая пальцем в сторону туалета. – Вон там стоял, чёрный весь. Чур меня, чур! Сгинь!

– Да тихо ты! – зашипел на него Серёга. – Нема там никого.

– Есть, мамой клянусь, – быстро зашептал младший и начал креститься.

– Чего ты всё крестишься? – Сергей вглядывался в темень. – Это Влад вчера историю рассказывал, тебе и показалось.

Братья на всякий случай оставались стоять на месте. Надо сказать, что в последние дни в Таборове на самом деле стали происходить некоторые очень странные вещи. Об этом со страхом шептались женщины, а мужики, хоть и предпочитали не верить во всякую бабью чушь, но на всякий случай, подслушав, запоминали сказанное. Вот и сейчас, казалось, сверкнёт, и на миг вдалеке появится тот страшный в капюшоне из ночного рассказа Влада. А когда сверкнёт снова, он будет уже совсем рядом... Сергей отчего-то так ясно представил себе эту картину, что попятился.

– Так что, идём до туалета? – первым спросил Влад.

– Кто его знает, – засомневался Серёга. – А вдруг чего и есть? Лучше здесь давайте...

– Витя, а что ты вчера про старую церковь Сергею говорил? – спросил Влад, когда, закончив мужские дела, все трое бегом возвращались на сеновал. – Секретничали?

– Ничего не секретничали, – обернулся, уже лезший по лестнице Витя. – Просто вы все смеётесь, когда я про бога говорю.

– Не буду я смеяться, вот тебе крест, – постарался убедить брата Влад.

– Ладно, залезайте, расскажу, – согласился Витя.

– Хорошо, – дал добро старший. – Давайте по-быстрому наверх, а то дождь всюю сейчас лупанёт.

На сеновале постель стала ещё влажнее, и все трое улеглись, не снимая с себя верхней одежды.

– Говорят, что храм этот особенный, – шёпот Вити отчего-то уже казался страшным. – Я слышал, как баба Нина про это бабе Одарке рассказывала. Говорила, что по ночам там свечи горят и молитву слышно.

– Ну да? – протянул Влад. – Там же заколочено всё досками и травой заросло.

– От нечистого это, все так думают, – таким же шёпотом сказал Витя. – Люди теперь ту церковь стороной обходят. А ещё я слышал, что в храм тайный ход есть, только его никто не знает. Вот если бы найти...

– Ну вы даёте, – послышался как всегда недоверчивый голос Сергея. – Сказки всё это, нема там никого.

– Может, проверим? – перебил его Влад. – Сколько тут идти, если быстро?

– Даже не думай, Владик, – на правах старшего отрезал Сергей. – Уйдём, вдруг хватятся? Твой батька первым панику поднимет.

– Давайте хоть днём дойдём, – предложил Витя.

– Днём можно, – уже засыпая, ответил старший. – Днём, хоть завтра... Сами убедитесь... Всё, я спать...

Дождя больше не было. Солнце уже давно встало над Таборовым и заблестело в водах местной Раставицы. По её берегам всё, куда можно было упасть взгляду, терялось в зарослях подсолнуха. С первыми лучами они распрямили спины, стараясь подставить новому солнцу свои чёрные, окаймлённые рыжими волосами и бородами лица. Воды ночного ливня, промочившего соломенные крыши хат, превратившего в грязное месиво единственную деревянную дорогу, быстро высыхали, и совсем старый пёс Мухтар едва успевал напиться из таявшей на глазах дорожной лужи. Росшая во дворе, отмытая до блеска, любимая шелковица, казалось, пахла ещё сильнее.

Но братья ничего этого не видели, потому что снова уснули только с рассветом, видя странные сны, что-то шепча губами, щурясь от залезшего сквозь щель на сеновал острого надоедливое солнечного луча. Во двор с удочками, ведром и маленькой, наспех сбитой из найденных в сарае деревяшек, табуреткой, вышел красивый мужик с чёрной шевелюрой и орлиным взором, сильно припадая на левую ногу. Человек что-то поискал глазами и вскоре взял в руку прислонённый к забору небольшой бадик.

– Что, Лена, хлопцы спят ещё? – спросил он своего же возраста женщину, чистившую и бросавшую в старый чугунок одну за другой маленькие картошины. – Опять всю ночь болтали.

– А ты почём слышал, что болтали? – хитро переспросила мама Сергея Лена, не глядя на мужчину. – А это потому, что ты, Аркаша, с Василём и Сашком до двух ночи тут на веранде вытворяли.

– О, о, ты диви! Чего вытворяли? – огрызнулся Аркадий. – Я вообще не пью.

– Да ты что?! – заулыбалась полноватая Лена, плюхнув очередную картошину в чугунок. – Может, там у себя в России и не пьёшь.

– У нас не пьют, – бездоказательно отрезал Аркадий, как-то особенно смешно путая русские слова с украинскими. – Не положено.

– О, ты диви! Кем не положено? – повысила голос Лена. – Не брешь, Аркаша. Все пьют – и цапапы, и хохлы.

Родные братья Аркадий, Василь и Сашко – местные из Таборова. Выросли, разъехались искать каждый своё счастье, и совсем не думали скучать по дому. Но помнила братьев молодая шелковица, выросшая в их саду, тот самый сеновал с душистым горьковатым сеном, изогнутая в косе, роняющая на карие камыши свои прозрачные слёзы Растивица. А ещё помнили отец с матерью, глядевшие по утрам на пыльную таборовскую дорогу, по которой уходил каждый из сыновей. Нет, не забыли и они...

Вместе братья собирались в августе, когда на родину навещался старший Аркадий, добираясь поездами аж с самого Урала. Сюда же приезжали сёстры Лена, Лида и Галя, и тогда в доме их отца Ивана и мамы Нины было шумно и весело. А за чаркой горилки чего только не вспомнится! Вот и вчера за ужином в доме братья бурно обсуждали давнюю выходку младшего Сашка – первого красавца на селе, выучившегося в Киеве на учителя и имевшего от рождения характер хоть и скверный, но весьма весёлый...

Началось всё пять лет назад с деревенской свадьбы, на которой родители, во что бы то ни стало, решили по христианскому обычаю обвенчать молодых Любу и Ивана. А поскольку ни действующего храма, ни настоятеля в Таборове не было, за батюшкой послали в район. Однако к назначенному часу, перебрав горилки то ли на похоронах, то ли на крестинах, батюшка не явился.

– Ой, как же теперь-то? – причитала мать невесты Ганя. – Они что ж, в постель невенчанными лягут? Грех-то какой!

– Замолчи ты уже! – то и дело намахивался на неё, меряя шагами двор, муж Петро. – Батюшку надо искать срочно.

– Повезло вам, соседи, я могу обвенчать. – Молодой студент Сашко стоял у калитки. – Теперь же для всех студентов мужского пола курсы у нас в университете богословские организовали, факультатив.

– Факуль... чего? – растерялся от незнакомых слов Петро. – Ты мне прямо скажи: можно тебе венчать?

– Можно, – уверенно кивнул Сашко.

– Петро, пусть отец Александр венчает! – взмолившись, выпалила Ганя. – Отец Александр, обвенчай деток наших!

– Коли так, пусть венчает, – закивал Петро. – Венчай, батюшка.

В эту минуту Сашко понял, что хватил лишку, но родственники молодых глядели на него, как на ангела, собравшегося, было, обратно к себе на небеса.

– Ладно, – выдавил студент. – Повенчаю, отчего ж не повенчать.

– Люба, одевайся быстро! – заорал на дочку Петро. – За Иваном бегите. Свечи из шкапулки доставайте! В хате все встанем, батюшка?

– Сейчас, сейчас, – попятился студент и бросился к своей хате.

– Мама, Библию дайте, пожалуйста, – с ходу подскочил Сашко к матери.

– На что она тебе? – охнула мать. – Ты ж отродясь её в руки не брал!

– Это сейчас неважно, давайте уже, – торопил сын...

В хате невесты всё было готово к таинству. Под иконой горели свечи, а для отца Александра, так счастливо явившегося молодым, будто по воле божьей, посреди передней комнаты громоздился накрытый белой скатертью стол. Перед столом об руку с Иваном стояла в свадебном платье Люба, трепеща от счастья. Сашко вошёл в комнату в обычном костюме, правда,

с шеи его свисал массивный крест. Ничуть не смущаясь удивлённых взглядов, он прошёл прямо к столу и положил на него Библию.

– Венчается раба Божья Любовь рабу божьему Ивану... – загудел неожиданно красивый баритон студента.

Гости ахнули: настоящий батюшка, хоть и без рясы, но голос-то, голос! Как у самого Спасителя. Сашко тем временем, дочитав на память всё, что запомнил с других венчаний, решил импровизировать, благо Писание в Таборове никто толком не знал.

– Любите друг друга в радости и в горести, потому как Господь наш говорил, что жена к мужу прилепится и будет плоть едина... – неумолимо приближал к концу таинство отец Александр.

Спустя минут двадцать всё закончилось. Молодожёны выглядели счастливыми, а очарованные голосом молодого красавца священника гости потянулись к Сашку за благословением...

– Ты ж грех на душу взял, Сашко, – хохоча, упрекал брата Василь. – И зачем Петру через год после свадьбы рассказал, что ты не батюшка вовсе.

– Ну, рассказал и рассказал, – невозмутимо подтвердил Сашко. – Думал, посмеёмся.

– А он что? – уточнил Аркадий.

– Что, что. Сказал, что так нельзя, наверное, было, – пожал плечами Сашко. – Ходил всё до вечера, думал себе. А я ему: что ж теперь, по-новому венчать? У них как раз и сын родился, Сашком назвали.

– Это в честь тебя что ли? – снова захохотал Василь. – Они уже три года живут и добре живут.

– Вот и я Петру то же самое сказал, – заметил младший. – Это же главное, правда?

– А у батюшки потом спрашивали про это? – поинтересовался Аркадий. – Ну, большой грех или не очень?

– Спрашивали, – кивнул Сашко. – Он сказал, что Бог сам там разберётся.

– С кем? Ой, Сашко, молись, чтобы ни бога, ни чёрта не было, как теперь учат! – захохотал опять Василь.

– Чего ты цепляешься всё? – занервничал тот.

– А ты думаешь, черти тебя на том свете горилкой поить будут, чтобы ты им байки гутарил?

– Прекрати, Василь, чёрта к ночи поминать! – махнул на него брат. – Это вот грех, так грех, ибо, живёт чёрт в душе у каждого, и совладать с ним иной раз нелегко... И наливайте уже!...

Утро всё набирало силу, и Аркадий, громко зевнув, взял удочки.

– Хлопцы пусть встают уже, – махнув бадиком на дверцу сеновала, отдал он приказ, ни сколько не рассчитывая на его выполнение, и открыл калитку.

– Да пусть дрыхнут, хоть до обеда, – крикнула вдогонку Лена. – Иди уже на свою рыбалку, поймай кого-нибудь.

– У вас тут рыбы нема, – захромал Аркадий к берегу, и скоро голова его, появляясь и исчезая с каждым шагом среди подсолнухов, скрылась из виду.

– Вот брешет, а? – устала руки в бока, только что вышедшая из хаты во двор похожая своей черноволосой красотой на Аркадия мама Вити Лида. – Есть тут рыба, он ловить её не умеет. Лена, красивый у нас братик, верно?

– Красивый, красивый, – закончив с картошкой, подтвердила Лена, глядя туда, где скрылся в подсолнухах хромавший брат. – Жаль, что с ногой так вышло...

Ноги у брата не было. Зато была жизнь. В той давней страшной истории о чёртовой карусели, о которой, не сговариваясь, здесь все молчали, судьба дала Аркадию всего один шанс из тысячи, но он поставил на жизнь всё, что у него оставалось, и сорвал свой джек-пот.

В больничной палате, где запахи камфары, медицинского спирта, йода и еще бог знает чего, соединялись вместе, Аркадий продолжал лететь на чёртовой карусели и кричал, чтобы её остановили. А потом всё исчезло...

– Зрачки не реагируют, – чей-то мужской голос звучал очень далеко, и то и дело пропадал в сплошном белом шуме. – Что с ним такое? Обычная травматическая ампутация, в его годы при таком богатырском здоровье – это тьфу. А он помрёт у нас сейчас...

– Кровь, Сергей Сергеич! Кровь не та! – как-то страшно закричал откуда-то с другой стороны совсем молодой женский голос, и Аркадию почему-то показалось, что он знает эту девушку. – У него же «первая», а ему «третью» вливают!

– Чёрт, а ну быстро!...

Уже лёжа в палате смертников, куда его, как шепнула нянечка, определил умирать главврач, Аркадий точно решил, что выживет, чтобы узнать, кто был этим ангелом, обернувшимся девушкой и спустившимся к нему с небес. А может, он и сам поднимался туда на какое-то время, но снова вернулся на землю, и девушка-ангел осталась там, где и положено жить ангелам. Аркадий хотел было снова, как в детстве, поверить в бога, но однажды дверь палаты открылась и вошла она во всё медицинское белом. Спустя год они поженились...

Теперь, шестнадцать лет спустя, давно живший в России Аркадий, лишь благодарил судьбу за всё, на зависть всем несчастливым явив с женой на белый свет сына Влада. И сейчас Аркадий шёл в это прохладное задоздевое августовское утро к родной Растовице на любимую рыбалку через владения соседа Юракова. Задетые им мокрые юраковские подсолнухи обрушивали ему на плечи всю оставшуюся после умывания воду, а трава предательски скользила под пластмассовой ногой Аркадия, напоминая ему, что он уже не тот мальчишка, бежавший здесь много лет назад с удочками рано утром, чтобы обязательно быть с рыбой.

Растовица была распожена тёплым утренним солнцем и лёгким, почти призрачным, ветерком. Катившие куда-то к Днепру волны убегали от него, как чай от дуновения в блюде. Аркадий спустился на берег, и лицо его приобрело выражение, какое только может быть у человека, которого лишили удовольствия или, по крайней мере, отодвинули его на неопределённое время.

– А ты чего это моё место занял, Миша? – не здороваясь и не меняя даже для приличия лица, поинтересовался Аркадий.

– Здоров, здоров, да садись уже рядом, – зашикал на него Миша, не спуская глаз с удочки. – Ах ты, крокодил! Ушёл, а!

Миша выдернул пустую удочку со съеденным червём.
– Вот же, крокодил! – повторил он

Крокодилами Миша обзывал всех, и в деревне это хорошо знали. Он называл так попавшую под горячую руку жену Стасю, обоих сыновей и даже маленьких внуков. Мишину собаку, разумеется, тоже звали Крокодилом. Михайло был знатным рыболовом и, как уже было понятно, любую выловленную им рыбу, невзирая на её происхождение, обязательно нарекал крокодилом. Это, любимое им, ругательство ему даже шло, но окончательно прилипло к нему в качестве прозвища после одной истории, однажды произошедшей на берегу Раставицы таким же погожим летним днём...

В то, вроде бы поначалу задавшееся, утро, Михайло, взяв пару удилищ и банку червей, отправился на любимое место к реке. Закинув удочки, он сразу погрузился в самые сокровенные, приходящие любому рыбаку лишь на рыбалке, мысли. О чём думают рыбаки, сидя часами у воды, никто никогда не узнает, но совершенно ясно, что совсем не о рыбе.

– Греет как, – охватив взглядом синее таборовское небо, стянул с себя утреннюю телогрейку Миша. – Добрый денёк выйдет.

Не клевало, и вместо поплавок нос Михайло начал опускаться всё ниже, когда один из них вдруг юркнул и исчез с поверхности воды. Но ведь рыбак на то и рыбак, чтобы видеть цель даже закрытым глазом. Миша, как опытный снайпер, дремавший лишь наполовину, дождал ещё секунду и резко выдернул удочку с добычей.

– Иди сюда, крокодил, – разглядывая летящую по воздуху рыбу, голосом чемпиона произнёс рыбак, удовлетворённый первым утренним карасиком.

В то же самое мгновение второй крючок захватил другой крокодил, таща поплавок вниз. Михайло тут же ловким движением забросил первую удочку с рыбой через плечо, и принялся выуживать вторую.

– Иди ко мне, не бойся, – почти ласково шептал он повисшей над водой и готовой поверить ему на слово рыбе. – А может я тебя и не съем, вдруг ты золотая?

Ко всему прочему Миша не только ловил, но ещё и разговаривал с рыбами, и про эту Мишину особенность рыбаки знали, крутя у виска пальцем. Особенность появилась у Михайло в раннем детстве, когда его родная бабка Василиса, а попросту баба Вася, читала ему наизусть сказки. Бабка давно померла, Михайло вырос, но сказка почему-то осталась в его душе.

Первый добытый карась бился в зелёной траве, ожидая своей рыбьей участи. Но Миша Крокодил, как оказалось, был в это утро на берегу не один. За ним внимательно наблюдал яраковский кот Марко. Чтобы попусту не ломать голову, таборовчане звали этим именем абсолютно всех котов в селе, приписывая каждому лишь фамилию хозяина. Котов было много, а про кошачьи святки никто здесь отродясь не слыхивал. Марко, наконец, решил рискнуть. Улучив момент, он шмыгнул из засады и, подобравшись на опасное расстояние, схватил законный Мишин улов. Удача улыбалась коту – рыбак был всецело поглощён беседой со второй рыбой, оказавшейся крупнее.

– Ну что, пошли до меня домой? – поднеся к лицу плотвичку, расспрашивал её Михайло. – Молчишь, да? Хорошо тебе было в речке, наверное, да вот не повезло. Жила бы себе и жила, и на что тебе этот червяк дался? Эх, ну ты уж извини.

Карась уже хрустел в кошачьих зубах, когда, вновь убедившись, что рыбы в Раставице не говорят, Миша разочарованно бросил плотвичку в ведро и вспомнил про карасика. Не обращившись, он взмахнул удочкой из-за плеча...

Рыбак так и не успел удивиться тяжести маленькой рыбки: пойманный на рыболовный крючок Марко Юраков с недоеденной добычей в зубах взмыл вверх и, описав незамысловатую траекторию, сломав в верхней точке полёта напололам удочку, приземлился в аккурат на голову Михайло, попытавшись к тому же удержаться на ней какое-то время...

Вопль «к-р-о-к-о-д-и-л!» в селе помнят и сейчас. Несколько рыбаков, сидевших в то утро вдоль Раставицы, могли наблюдать весьма странную картину: по берегу, волоча за собой сломанную удочку и леску, с торчащим из окровавленной пасти рыбьим хвостом наугад мчался Марко. Кот на полном ходу влетел в подсолнухи и пропал. Впрочем, спустя пару дней, он объявился, как ни в чём не бывало...

Вспомнив об этом случае, Аркадий улыбнулся и расположился недалеко от Крокодила на принесённом стульчике, вытянув пластмассовую ногу вперёд и закинув удочки. Настроение его сразу улучшилось. Эх! От удовольствия защекотало где-то в носу, но Аркадий удержался от чиха, которым до сих пор пугал жену и сына, и Миша с благодарностью посмотрел на соседа. Впереди были три-четыре часа незабываемых ощущений ожидания и надежды, всеобщего молчания и полного единения с этой родной до самых кончиков пальцев природой.

Запах сена оставался на коже и одежде Сергея, Влада и Вити, даже когда ближе к полудню они спускались вниз. Старый Мухтар на всякий случай каждый раз долго обнюхивал их заново, будто сам мечтал сменить тесную будку на тот самый загадочный сеновал, куда забраться по лестнице своими собачьими лапами он не мог. Да и попробуй, заберись! Дед Иван огреет чем-нибудь тяжёлым так, что будешь помнить весь свой недолгий собачий век.

Внизу братьев ждала самая главная еда на свете: свежее парное молоко и паляница с мёдом.

– Садитесь уже, хлопцы! – зашумела для порядка черноволосая Лида, мама Вити.

Да парни уже и сами давно за столом. И из чего баба Нина делает эту паляницу? Вроде обычный хлеб, но, выпекая его по утрам, она словно замешивает в него какое-то зелье и обязательно знает тайный заговор. Главное – отогнать назойливых таборовских мух, слетающихся на мёд, готовых нырнуть за ним в рот обедающему человеку.

– Про заговор я тебе точно говорю, – жуя, шепнул на ухо Вите Влад. – Я дома хлеб вообще не ем.

– Еда – она вся от бога нашего, – возразил с полным ртом Витя, попытавшись заодно прищёпнуть рукой к столу особенно доставшую жирную муху. – Мы его благодарить за это должны.

Муха, выскользнув за мгновение до того, как должна была быть убитой, словно издеваясь, снова принялась кружить у носа Вити.

– Лучше бабу Нину благодарить, – запив съестное чудо тёплым коровьим молоком, заверил Сергей, равнодушно провожая взглядом муху. – Вот теперь хорошо.

В животах и в душах у хлопцев посветлело, словно кто-то невидимый стряхнул рукой с их заспанных глаз остатки сна, отправляя в новый день счастливого детства, где можно было никуда не торопиться. Впереди была ещё целая замечательная его половина, и братья собрались на лавочке, чтобы обсудить планы.

– Ну что, значит через час, как договаривались? – спросил Влад.

– Давайте, только за час бы туда-сюда управиться, – с сомнением в голосе кивнул Витя. – А то хватятся. Идти порядком.

– Обернёмся быстро, – заверил братьев Сергей.

Братья, не сговариваясь, посмотрели на стоявшую на высоком холме старую церковь. Издали, даже днём на солнце она вся казалась чёрной. Креста на куполе давно не было, а сорок лет назад возглавивший приход молодой отец Серафим отслужил в ней свою первую и последнюю службу.

1939 год

Когда после службы власти объявили, что церковь закроют, молодой священник взялся было возразить, для чего отправился в райком.

– Как же без храма-то? – спросил он у грузного, вытиравшего то и дело носовым платком струившийся со лба и шеи пот, секретаря райкома. – Это ж, почитай, без Бога. Сами не веруете, так хоть над людьми сжальтесь. Они же сызмальства в храм ходили.

– Пусть в клуб теперь ходят, – замахал на себя платком толстый секретарь. – Вон какой клуб отгрохали, там танцы под гармонь. Вы, батюшка, бабкам своим так и скажите. Пусть наши песни лучше поют.

– Что ж, так и будет церковь без прихода стоять? – опустил глаза священник. — Беду на село накличем.

– Какую беду? – начал свирепеть и ещё больше потеть секретарь. – Идите, гражданин священнослужитель, уже, как у вас там говорят, с богом. А то впрямь до греха доведёте.

Серафим повернулся и, перекрестившись, вышел вон в яркий солнечный день. На крыльце он перекрестился ещё раз.

– Нехристи, прости им, Господи! Вот и кончилась твоя служба, отец Серафим, не поспевай начаться, – сказал он самому себе вслух. – Куда ж теперь? Подскажи, Господи! Что ж я стою? Надо успеть, пока они...

Священник направился быстрым шагом к себе в приход, и за его спиной хлопнула оконная рама...

В полдень работавшая в огороде баба Нина, заметила странного незнакомца. Он стоял в самом конце улицы, одетый во всё чёрное, и издали, словно призрак, почти растворялся в летнем мареве. Нина стала его разглядывать, и тот вдруг махнул ей рукой. Нине показалось, что дорога, изгородь и красные буряки в огороде поплыли волнами, голова её закружилась... Зажмурившись на мгновение, она открыла глаза. Незнакомца не было, только едва заметное поднятое кем-то пылевое облачко, никак не могло осесть и повисло в воздухе.

– От же ты, Господи прости, что это со мной? – осенила себя на всякий случай крестным знаменем Нина и снова занялась делами.

Аркадий возвращался с берега с уловом по той же тропке. Было совсем жарко, под ногами подсохло, а спугнутые бадиком кузнечики отлетали в разные стороны. Идти в горку было тяже-

лее, и бадик Аркадия оставлял через равные промежутки глубокие следы в юраковском огороде.

– Здорово бываешь, диду! – крикнул Аркадий копошившемуся во дворе Юракову.

– Аркаша, ты что ли? – высунул голову старый Юраков. – Ну что, рыба в Раставице ещё осталась или ты всю повыволовил?...

Олекса Юраков слыл известным на селе рассказчиком. Много лет назад он в очередной раз отправился торговать грушами в Белую Церковь но, к полному расстройству своей жены Одарки, вернулся вечером без денег, зато с толстой книжкой под названием «Поднятая целина».

– Вот, обменял, – гордо показал Одарке книжку муж. – Сказали, хорошая уж больно.

– Вот бисова душа! – намахнулась на мужа Одарка и, выхватив книгу, прицелилась зашвырнуть её с глаз долой. – Читатель! Гроши где?

– Не шуми, дура, – успел вырывать из необразованных рук жены книгу Олекса. – Вслух читать будем.

Углубившись в чтение, Олекса очень скоро понял, что главным и любимым его героем и даже – если бы Юраков знал это слово – кумиром будет дед Щукарь. Выменянная за груши книга неожиданно открыла и в самом Юракове удивительный талант рассказчика, о котором тот раньше не подозревал...

– Так с рыбой нынче, Аркаша, или как? – усмехнулся Олекса.

– Да наловил вот немного на обед, – показал своё ведро Аркадий.

– Вот, как сейчас помню, поймал я в нашей Раставице щуку, – поднял палец Юраков, что означало начало истории.

– Щуку? – уточнил Аркадий.

– Щуку, – уверенно кивнул Олекса.

– В Раставице?

– В Раставице, – не опуская пальца, подтвердил рыбак.

– Ну?

– Что ну? Щука, как щука, но уж дюже большая, – развёл в стороны руки Юраков и, немного подумав, раздвинул их ещё пошире. – Вот как твоя палочка будет, точно.

– Ого! – поглядел на бадик Аркадий.

– Метр с лишним, заметь, Аркаша, – начал увлекаться Юраков.

– Предположим, – согласился Аркадий. – Короче.

– Поймать-то поймал, а как нести? Вопрос.

– Отпустил?

– Кого? Щуку? Да ты что!

– И?

– В ведро такую не сунешь. Хорошо у меня банка с собой была трёхлитровая.

– С горилкой?

– Нет, горилка к тому времени уже закончилась, – чуть сбился с хода мыслей Олекса, но тут же собрался. – Так я воды в банку зачерпнул, голову щуки туда сунул, чтоб дышала, взял за хвост и потащил до хаты.

– А щука банку руками, значит, держала?

– Не выдумывай, Аркаша!

– Я выдумываю?!

– Ты! Я тебе говорю, что живую её дотащил. Голова плотно в банку села, но сопротивлялась она дюже, думал, что вырвется.

– На сковородку с банкой клал?

- Нет, пришлось голову отрубить.
- Слава богу, отмучалась рыба, – захохотал Аркадий.

Из хаты во двор вышла девушка лет четырнадцати с огромной чёрной косой, кокетливо брошенной через плечо вперёд. Под коротким цветастым платьем скрывалась уже хорошо различимая не по возрасту девичья грудь.

– Здравствуйте, дядя Аркадий, – крикнула девушка и, легко подхватив стоявшее тут же коромысло и пару пустых вёдер, направилась на упругих загорелых ногах через улицу к кринице деда Ивана.

– Гляжу, внучка твоя из Киева вчера приехала? – Аркадий проводил девушку взглядом. – То-то наши хлопцы обрадуются.

– Мальцы они ещё до девок бегать, – не отрываясь от дела, возразил Юраков. – Им мёдом пока на палянице намазано. Да и Татьянке моей женихи ещё без надобности.

Пока Олекса с Аркадием вели ни к чему не обязывающие мужские разговоры, Татьяна обернулась с водой и, занеся вёдра в хату, снова направилась к кринице.

– Это вы бабу сегодня купать собираетесь что ли? – подмигнул Аркадий чуть поднапрягшемся Юракову. – Ладно, пойду я.

Купать свою Одарку старый Олекса, конечно, не собирался, а вот поставить несколько литров доброй юраковской горилки было самое время. В Таборове знали, что приехавший в отпуск Аркадий работал где-то в милиции, а поэтому Юраков на всякий случай предпочёл не уточнять, для какой такой надобности таскает воду внучка Татьяна. И хотя Аркадий понимал, что в его родном селе горилку гонят в каждой уважающей себя семье, предпочитал не вмешиваться в традиции предков. Да и опять же без горилки Олекса Юраков – не рассказчик.

Только что вышедшие со двора хлопцы в аккурат попались навстречу Аркадию.

- Вы куда это? – словно заподозрив неладное, спросил он сына.
- Да гулять мы, как всегда, – увернулся от прямого вопроса Влад.
- Чтобы недалеко и глядите в воду не вздумайте лезть, – нахмурился Аркадий.

– Ну вот, по-тихому уйти не вышло, – раздосадовано сказал Сергей, когда братья уже быстро шли по деревенской улице. – Теперь батька твой бегать будет искать. Суматошный он у тебя.

– Ладно, мы скоро обернёмся, – успокоил его Влад.

Жара наступала. На дороге ещё никак не могла утомиться пыль от единственной проехавшей с утра машины, ветви яблонь, груш и шелковиц свисали на дорогу по обеим её сторонам. Жизнь в Таборове текла по своим неспешным законам. Чуть поодаль в глубине двора старый дед Тихон молотил цепью пшеницу, как обычно не доверяя колхозному комбайну, который в эти дни пускали по селу для обмолота. Тихон приехал в Таборов лет двадцать назад откуда-то с Запорожья и остался жить бобылём. Завидев хлопцев, он махнул им рукой.

– Здорово, диду! – хором загалдели братья.

– Здорово, куда собрались? – взгляд Тихона стал лукавым, и по его лицу от улыбки побежали маленькие глубокие трещинки.

– Да мы это, прогуляться, – замялся Витя. – Диду, водички попить можно?

– Попейте, отчего же не попить, – отложил цепь Тихон. – В хате вон свеженькая стоит.

В хате Тихона было светло и тихо, даже мух отчего-то здесь не было видно. Хлопцы зашли в сени, и Сергей первым зачерпнул из ведра кружку ледяной воды. С первым глотком блаженство начало разливаться по всему телу, будто вода сразу проникала в кровь, насыщая её неведомой волшебной силой. Оторваться от кружки было невозможно, пока, спустя несколько таких глотков, горло Сергея не сжало ледяным обручем.

Напившись, братья вошли в комнату. На стене висела совсем небольшая очень старая икона, на которой была изображена совершенно ужасающая сцена: на блюде лежала отрубленная окровавленная человеческая голова. Все трое едва смогли оторвать от иконы взгляд, когда в хате появился Тихон.

– Чего смотрите? – заметив куда уставили глаза мальчишки, перекрестился хозяин.
– Диду, а кто это? – кивнул на икону Влад.
– Святой Иоанн Предтеча, кто ж еще, – усмехнулся Тихон.
– А кто его так? – опять спросил Влад.
– Ирод, – внимательно глядя на икону, ответил хозяин. – Ирод его убил. Дочка его попросила, он и убил. Давно это было...

– А вы кресты свои надели? – когда вышли на улицу, на всякий случай поинтересовался Витя. – Без креста в храм нельзя.

– У меня и креста-то не было никогда, – пожал плечами Влад. – Я же комсомолец. Нельзя же сразу и крест, и комсомольский значок, чтобы были.

– Почему нельзя? – удивился Сергей. – У нас так многие в школу ходят. Но я тоже не ношу, лежит он где-то – матушка хранит.

– А как тебя крестили, ты помнишь? – спросил Влад.
– Не-а, я малой совсем был, – пожал плечами старший брат. – Орал, наверное, как все.
– А я вот не орал, мама рассказывала, – уточнил Витя. – Батюшка-то меня с головой в купель окунал аж три раза.

– Зачем с головой? А если бы утонул? – возмутился Влад.

– Нет, Господь бы не дал, – покачал головой Витя.

Хлопцы направились дальше, минули улицу и свернули к пригорку. Церкви отсюда ещё не было видно, а едва приметная тропинка вела круто вверх. Братья уверенно двинулись по ней, и вскоре в ярком голубом небе появилась маковка купола. Она росла с каждым шагом, и, наконец, взглядам открылся весь храм. Церковь, состарившись, чуть покосилась куда-то на восток, словно пытаясь согнуться в поклоне встающему солнцу. Высокая трава на исходе лета, казалось, добралась до середины почерневших деревянных стен, а в щелях между разошедшимися досками зеленел мох. Без обязательного креста на куполе, венчающего величие церкви, она выглядела обычным большим домом, неведь откуда здесь взявшимся. К храму давно не ходили. Любопытство таборовских мальчишек останавливал страх, поселившийся в их головах после жутких рассказов бабушек, наперебой вещающих о живущей здесь нечистой силе. Да и сами хлопцы в этой скучной деревенской жизни с ходу придумывали всё новые подробности с чертями и призраками – те самые, что спустя лет двадцать станут новым легендами села Таборов.

– И не страшно вовсе, – пожал плечами Влад. – Церковь как церковь. У нас в России таких полно.

– Главное, чтобы на голову не свалилась, если пойдём, – предупредил Сергей.

– Идём, что ли? – неуверенно переспросил Витя. – Или вернёмся, может?

– Не, пойдём, раз пришли, – Влад первым двинулся к церкви.

Они быстро добрались до стены и начали разглядывать замшелые узоры, оставленные временем на обугленных досках. Среди них вдруг неожиданно возник совсем маленький, вырезанный на уровне глаз, крест и какие-то цифры.

– Чего там написано? – вгляделся в почти стёртые буквы Сергей. – 19..3... Дальше не пойму, какая цифра?

– Вроде «9», – Влад тоже внимательно глядел на знаки. – 1939. Это год, наверное.

Братья начали обходить храм, пытаясь заглянуть внутрь через щели. Дверь была забита наглухо досками, но не крест-накрест, а как попало.

– Ну, убедились, что нет тут никого? – усмехнулся Сергей. – Если да, то пошли обратно.

Все трое развернулись в обратный путь, как где-то внутри явно послышался тихий, но отчётливый звук, похожий не то на стон, не то на смех одновременно. Звук шёл из-за забитой входной двери.

– Слышали? – поднял руку для крестного знамения Витя. – Там кто-то есть.

– Ерунда, ветер это, – как можно громче ответил Сергей. – Просто ветер.

В эту самую секунду звук стал громче и протяжнее. Братья отступили, прижавшись друг к другу спинами, и, не сговариваясь, припустили бегом что было сил прочь от церкви.

– Стойте уже! – крикнул младшим Сергей, когда все трое, пробежав метров двести, с испугу свернули не в ту сторону.

– Чего так рванули-то? – переведя дух, спросил он братьев.

– Это не я первым побежал, – ещё бледный, как свежая простыня, выдохнул Влад. – Вы побежали, и я побежал.

– Я тоже не думал тикать, – захорохорился младший Витя. – Чего тикать-то?

– Ну вы даёте, – окончательно привёл дыхание в порядок старший. – Кто что услышал там?

– Показалось, что стонал кто-то, – пожал плечами Влад.

– Или смеялся. Может это чёрт был? – боязливо обернулся в сторону храма Витя.

– А ты слышал, Сергей? – поинтересовался Влад. – Ты же тоже слышал, я знаю.

– Да слышал, слышал. Пошли домой быстро, – отрезал Сергей.

Дома всё было готово к обеду. Картошка дымилась в чёрном чугушке, рядом с которым на выдавшей виды клеёчатой скатерти лежали лук, маленькие огурчики и несколько зеленых помидоров, так и не успевших дозреть в хозяйском огороде, перед тем, как отправиться в чей-то рот. Утреннее парное молоко, поставляемое прямо к столу коровой Маруськой, белело в трёхлитровой банке, всегда становясь к этому часу ещё вкуснее и слаще. Сама Маруська с самого утра вновь отправилась в таборовские луга с их сочной травой и обещала к ужину ещё несколько литров самого лучшего в мире напитка. Братья подошли к дому, уже придя в себя, и по дороге договорились: никому ни слова о том, что случилось у старой церкви – обсудим вечером на сеновале. Во дворе они застали деда Ивана, складывающего в рот кусочки добытой в это утро Аркадием рыбы. Дед был двухметрового роста, с большими руками, хранившими некогда могучую силу. В Таборове Большого Ивана всегда звали подсобить поднять телегу или занести балку, когда соседи перекрывали крышу. Но Иван постарел, и теперь всё больше присаживался на корточки у изгороди. Жаркое солнце уже не грело старые Ивановы кости, а поэтому всё лето напролёт тот ходил в таком же старом, как и он сам, пиджаке. Сейчас дед Иван, отправив последний кусок в рот, запил его молоком всё из той же банки и громко крикнул.

– Вот и добре!

– Рыбу-то молоком запивать нельзя, – глядя на это, заметил братьям Влад. – Прихватит у деда живот и до туалета не добежит.

– Не-е, у деда живот особенный, не как у нас, – несогласно покачал головой Сергей. – Его понос не берёт, а если что, то он горилкой всё вылечит.

– Горилка – не лекарство, – возразил, было, Витя. – Но тоже помогает.

– А ты пробовал что ли? – удивился Влад.

– Ты что, дурной? – покосился на брата младший. – Это у нас и так все знают. А у вас в России так не лечатся?

Дед Иван тем временем присел у забора, облокотившись спиной на хрустнувшие под его тяжестью жердины, и скрестил почерневшие от загара кисти рук. Рукава пиджака, приподнявшись, обнаружили выше кистей белые, как Маруськино молоко, предплечья, до которых солнце в это лето так и не добралось.

– Тату, так Вы ещё и в перчатках летом ходите? – подмигнул остальным сын Василь, разглядывая эту удивительную картину, созданную природой.

– Может и в перчатках, – не обращая никакого внимания на колкости сына, прикрыл глаза Иван. – Ты тоже перчатки ищи – как пообедаем, сарай мазать все будете, и хлопцы помогут.

Все, кроме уже по традиции отобедавшего раньше всех деда Ивана, уселись за стол. Горячая картошка, приправленная жареным луком, небольшими круглыми шариками исчезала быстро, а банка молока пустела на глазах. Сергей, Влад и Витя загадочно переглядывались и тут же прятали взгляд – дотошные родители заметят и начнут выпытывать их секрет.

– Вот как спокойно кушают теперь, – глядя на жующих хлопцев, умилилась Лена. – Кушать есть чего, не голодные. А мы в войну в детстве, помню, мама только сделает, как накинемся. А Аркадий ложки подбивал всё время, чтобы больше досталось.

– То не я, – жуя, возразил Аркадий. – То Виталь подбивал – ты уже не помнишь.

– Всё я помню, не бреши, Аркаша! – повысила голос сестра. – Ешьте уже, хлопцы, и гулять идите.

А что ещё делать – конечно, гулять! Пробежать мимо подсолнухов по острой жёсткой стерне в самый конец огорода, где растёт старая большая груша, посаженная вернувшимся с войны в 1945 —ом дедом Иваном. Она его переросла, закрыв собой частичку жаркого августовского неба, и здесь, под грушей, можно было, расположившись подальше от чутких родительских ушей, обсудить главные мальчишеские дела.

В час пополудни, когда в летнем Таборове уже наступала традиционная фиеста, и подремать собирались люди, животные и даже местные мухи, тишину разорвал мужской крик. Кричали через два дома, но так, что казалось, кричащий стоял под самым окном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.